

Анжелика САФЬЯНОВА

**Сказка наших дней.
О старце Григории и русской истории¹**

Не для сплетен, не для шуток,
Не для бойких прибауток.
Не для смеха и укоров,
Не для толков, не для споров
Мы писали эту сказку —
Мы писали эту сказку,
Чтоб вогнать злодеев в краску.
Те, кто злы, те будут злее.
Ну а это нам милее.

Долго нам жилось сурово,
А теперь за нами слово, —
Ну-ка, душу нараспашку;
Не за злато, не за ласку

Мы расскажем эту сказку
И про Гришку, и про Сашку,
И про Щелкову рубашку...

Мимо Волги и Урала,
Верст за тысячу не мало
Путь уходит вдаль и вширь,
Во студеную Сибирь.

Там, в одном краю убогом,
Во краю забытом Богом,
Против неба на земле,
Жил малец в одном селе.

---

¹ Печатается по: Анжелика Сафьянова. Сказка наших дней. О старце Григории и русской истории. М., 1917.

Паренька крестили Гришей,
В детстве был травы он тише,
Но зато к восьми годам
Вышел парень просто срам:

Что ни день, то суматоха —
Все, что ни лежало б плохо,
Все, что вора вводит в грех,
Гришка тащит прежде всех.
С парнем просто плач и смех.

Вырастал мальчонка хватом,
Били скалкой и ухватом,
Извели на розги лес —
Парень вьется точно бес,
Воет, день лежит, как пласт,
Ну, а спуску все не даст,
Не берет его и мор,
Вот каков растет Егор.

Так растет в деревне Гришка,
Ловкий парень и плутишка.
Про него отец сказал —
Пусть растет, покуда мал,
Поприбавят годы ум —
И растет малец без дум.

Этим временем в столице
Слали свата к важной птице,
И послы сбирались станом
Кю заморским бусурманам.

У немецкого царишки
Десятины две землишки —
Дом, жена, солдат и псарь,
Словом, чем тебе не царь.

У немецкого царишки
Вырастала дочь на вышке.
Звали эту дочь Алисой.

Был царишка хитрый, лысый;
Стал царишка размышлять,
Как бы замуж дочку сдать.

У него соседи были,
Все в долгу, как кони в мыле,
Где их сан и где их прыть —
Как жену им заводить?

Скучно в тереме Алисы,
Под полами ходят крысы.
Стала думать да гадать,
Как бы на ноги ей стать...
А в немецком государстве
Ходит слух о русском царстве:
Хорошо-де там живут.
Что ни день, то масла пуд.
Есть и золото, и камни.
«Вот бы, батюшка, туда мне», —
Говорит Алиса раз.

И отсель пошел рассказ.

Пишет грамоту царек
На далекий на восток,
Пишет грамоту в углу
Ко немецкому послу:

«Помоги, сосватай дочку,
Износились все сорочки,
Скучно дома... Плохо мне
В нашей Гессенской стране.
Слух идет и в нашем барстве:
Хорошо де в русском царстве,
В этом царстве, у царя
Сын не женится, и зря...
Сослужи, дружок, услугу,
Предложи ему супругу».
Раз, два, три, четыре, пять —
Царь выходит погулять.

Велико царя наследство,
Только сын ушиблен с детства,
Беден смыслом и умом
И позорит царский дом;
Мало спит и много пьет.
Знать не знает он забот.
Бросил царскую перину
И содержит балерину.

И решил российский царь
Поступить, как было встарь:
Сына он решил женить,
Чтобы сбить лихую прыть.
Знает он, — в одной стране,
На далекой стороне.
Принцев будет целый лес
И хоть пруд пруди принцесс.

Вот решает царь со зла
Звать немецкого посла.
Так случилось это дело.
Все решили сразу, смело.
Был посол хороший гусь
И привез Алису в Русь.
Александрой окрестили,
Обвенчали, окрутили, —

Мужу что... И ночью, днем.
Балерина все при нем.
Сговорившись еле-еле,
Так на трон и оба сели,
И сидели дни и годы.
Без кручины и невзгоды...

Много было разных бед,
Не пропал от них и след.
Но, как кустик олеандра.
Без тревоги и печали
Николай и Александра
На Руси цвели вначале.

Жили мирно, ели сладко,
Выезжали для порядка, —
«Коли царь — сиди да пей».
Где ни плюнь — везде лакей;
Кто их выше по уму,
Тех упрятали в тюрьму.

Ну-ка, люди грамотеи.
Сократим свои затеи.
Что нам город городить,
Шутки в сказочке шутить?!
Нужно делать дело нам, —
Мчится сказка по волнам,
Точно лодка без причала.
Так воротимся к началу.
Не забыли вы про Гришку,
Про веселого мальчишку,
Что в далекой во Сибири
Волю дал калмыцкой шири
И тащил, покуда малый.
Все, что плохо ни лежало.

Гришка вырос, стал смышлен,
Гришку дома гонят вон:
«Не сиди у нас на шее».
И скажу вам по душе я,
Очень всем он надоел
По причине разных дел.

Май, весна, запели пташки,
В Гришке новые замашки —
Возле девок, точно вьюн,
Вьется парень свеж и юн.
Не пропустит мимо бабы.
Те народ, известно, слабый —
С жару даст локтем в висок,
А потом придет в лесок...
Ну, иная, та со злости
Зазывала Гришку в гости
И будила мужа сдуру,
И спускали Гришке шкуру.

Долго думали, гадали,
И жену Егору дали.
Поженили. С этих пор
Присмирел слегка Егор.
Стал грешить, но втихомолку.
Чтоб никто не видел в шелку,
Чтоб не били бы ухватом
На потеху разным хватам.
Но в один печальный миг
Злой удар его постиг.

Это было темным делом.
То ли случай был с наделом,
То ли видел месяц ясный,
Кем петух был пущен красный.
То ли дело в конокраде —
Знайте сами. Бога ради,
Только в ночь, как села мгла,
Вышел Гришка из села
И пустился по дороге;
Как несли беднягу ноги...

То в санях, а то за возом.
То вдогонку за обозом
Потрусил смиренный Гриша.
Где в кустах, а где под крышей,
Где в деревне под амбаром,
Ночевал Григорий даром;
Шел в Россию из Сибири
Поглядеть, что слышно в мире.

Много ль времени, аль мало
С той поры уж пробежало,
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.

Только шел Григорий долго.
Перешел зимою Волгу;
Шел, ругая бездорожье.
Поминая имя Божье.

И в Москву, во стольный град
Прибыл, точно на парад.
Ходит Гриша по столице,
Видит были, небылицы.
Видит храмы и дворцы;
Ходят бабы до купцы,
Ходят штатские и баре.
Весь народ как на пожаре;
Над церквами звон гудит;
Гришка ходит да глядит,
И решил: из всей толпы
Лучше всех живут попы.

Видел Кремль... таков обычай,
Видел дом митрополичий,
Ткнулся он было к воротам,
А за первым поворотом
Часовой... В руках винтовка.
«Малый... Здесь ходить не ловко...»

Все Егору опостыло,
Он ушел, сказав уныло:
«Хоть пали, хоть не пали там —
Буду я митрополитом».

С детства Гришка думал вволю
И хвалит попову долю —
Есть и домик и землишка,
Деткам есть на молочишко,
Есть и хлеб в годину злую,
Знай, тяни нам «аллилую».
Тычь перстом почаще в небо
И собирай себе за требы.

Был он кой-чему научен
И к работе не приучен,
Осмотрелся хитрым взором,
Пошатался по соборам.
Пораздумал, огляделся,
Победнее приделся,
И на паперть, в Божий храм,
Стал являться по утрам.

Так просил он ради Бога;
Подавали, но не много —
Нынче в людях веры нет.
Изменился Божий свет.

Из себя был Гриша видный.
Было малому обидно,
И решил он: «Как ни глянь,
Видно, дело будет дрянь;
Надо дело подходней,
Впрочем, все в руке Господней,
Бабе путь открыт в кликуши,
Сопричислят в Божьи души,
Попадет к попам в покои,
Там винцо и все такое...»

Слышал Гриша о блаженных,
О покойниках нетленных,
Знал их дивные спасенья,
Их святые исцеленья;
Знал про то, как те вещали
Гласом, точно из пищали,
О грядущем зле и бедах,
И бывали во беседах,
И вели с царями спор,
Изрекая им укор.

И решил однажды Гриша,
Простояв в церковной нише
В стужу лютую, в мороз:
«Не для этого я рос,
Чтоб стоять здесь до заката;
Я и сам ума палата
И какой во мне порок,
Чем я тоже не пророк.
Помудрю, да принатужусь
И скажу да так, что ужас,
Не найдет в дому дверей
Самый хитрый иерей».

Как сказал он, так и сбылось,
И молва волной катилась:
У Николы, в краткий срок
Объявляется пророк.
Из себя еще не старый,
Не пугает Божьей карой,
А такую речь ведет,
Будто ложку меда в рот.
И пошли о Грише слухи.
Бабы лезут точно мухи,
Старец мед и мармелад —
Слову ласковому рад.
До того приятен бабе —
К той прижмется на ухабе,
С этой молится вдвоем
И залется соловьем...

Как пошла о Грише слава.
Поднялась попов орава:
«Кто такой... Какое право...
Может, штунда, или хлыст...»
И попы дрожат, как лист:
Попугали Гришу адом.
Дали знать, куда им надо:
«Тоже всякий свинопас
Отбивает хлеб у нас».

Шли часы, и шли недели.
Люди жили, ели, ныли.
Сказке верили, не были,
Ну и время, просто срам.
Встать бы разом... Где уж нам...
Встанут утром спозаранку.
Плунут — вспомнят про охранку.
Боком взглянут на иконы;
Всюду ходят фараоны,
Охраняя каждый пост,
Заушая в гриву, в хвост...

Так приятно жили люди,
Помышляючи о чуде,
А по мраморным палатам,

Позабыв о годе пятом,
Ходит Коля-Николай,
Разоряя целый край.

И почтенная царица,
Вдохновляясь, точно жрица,
Окружив себя попами,
Иерархами-столпами,
Извиваясь и дрожа,
Стала из ханжей ханжа.
Ходит в церковь, бьет поклоны.
Создает сама каноны —
Не царица, а скорей
В юбке старый архирей.

Кто же в ней узнает немку
И Алису-чужеземку;
Только жаль, ее язык
К русской речи не привык.
На немецком диалекте
Рассуждает и о секте,
И о том, каков синод,
И какой у нас народ.

Между тем почтенный Гриша
Забирался выше, выше.
Был он малый крепких правил.
Уважать себя заставил,
От девиц не знал отбою
И доволен был собою.

С Гришкой спорят иерархи,
Рассуждают о монархе,
И вещает Джиоконда
Из столичного бомонда:
«Vous savez, простой мужик,
А такой приятный лик».

Так его открыла Анна,
Дама фрейлинского сана,
А открыв, к царице скок —

«Объявляется пророк:
В нем одном такая сила,
Что на многих насхватила,
Эта поступь, этот взгляд,
С ним не страшен целый ад».

Словом, лезет Гриша выше.
Красны дни пришли для Гриши:
И в столицу Петроград
Прибыл он, как на парад.

Едет он в почете, в славе,
Приближается к заставе.
Бьет поклон, и наконец
Попадает во дворец.

По палатам Гриша ходит,
Всех собой в восторг приводит,
Гриша старец хоть куда —
И возшла его звезда.

Изрекает он словечки.
Дамы ходят как овечки,
А потом, наедине,
Изнывают, как в огне...

Велика у Гриши сила.
До того вещает мило,
Что кругом бросает в жар:
«Вот так старец — а не стар».

А достойная Алиса,
Без любого компромисса,
С ним сидит и день, и ночь.
День да ночь и сутки прочь.
Завелась денюга у Гриши,
Дом в селе с узорной крышей.
Перевез детей и женку,
Пьет в салоне ром и жженку;
У самой графини И...
У него всегда свои.

Свет потушит, порадеет,
Тихой лаской обогреет,
А когда Григорий зол,
Изорвет в клочки подол.

Гришка едет на село,
Гришке очень повезло;
Говорят о нем в Сибири —
Нет важнее Гришки в мире,
Гришку знают города.
Но случилась тут беда:
Несмотря на гнев престола,
Гришку баба подколола;
Боже, что тут был за шум,
От забот кружится ум.

Повезли его в столицу,
Положили, как в теплицу,
Лечат, холят, еле дышат
И о Грише только слышат,
И при нем всегда «сама»
От тревоги без ума.

Только скоро грянул гром —
Зашатался царский дом;
Время дивное пришло,
И такое вышло дело,
Что царек с семьей родной
На кузена шел войной.
Русь пошла войной на Вилли.
Как друзья там ни судили,
А пришлось держать им речь
И поднять на друга меч.

В этот день во всей столице
Звали всех врачей к царице,
А царица рвет и мечет.
Напускается, как кречет:
«Дайте мне злодеев низких,
Что моих задели близких,
Что, затронув дядю Вилли,
С нашим царством в бой вступили;

Где они...» И запускала
В Николая чем попало.
Словом, так или иначе.
Толку нету в этом плаче,
Ни к чему ее протест.
И подписан манифест.
На Руси под бабий вой
Закипел кровавый бой.
Был в ту пору Гришка болен
И войною недоволен —
Беспокойства и хлопот
У царицы полон рот.

Так тянулись эти годы;
За войной пришли невзгоды.
На глазах у всей Европы
Крали царские холопы,
И в стране гасили пыл,
И смущали фронт и тыл;
Бились дни и бились годы
На два фронта воеводы,
Ну а толку нет, как нет,
Хоть сражайся десять лет.

А пока, почтенный Гришка
Порешил: «Помрешь, и крышка;
Буду брат, что Бог дает,
Что плывет мне прямо в рот».
Обнаглел, не зная меры:
«Во дворце моей все веры,
А царица мил-дружок,
Может, я и впрямь пророк».
Так он Гришка, сударь мой,
Измывался над страной.

И предела Гришке нету;
Как бы сжить его со свету,
Думал в ставке не один
И, увы, не без причин.
Гришка ходит нараспашку,
Носит шелкову рубашку,
«Вышивала мне сама.

Вхож я в лучшие дома,
Захочу — продам Россию;
Не слышали про Мессию,
Так Мессия — это я
И вокруг страна моя...»
Всем в зобу дыханье сперло.
Сыты Гришкою по горло.
Подошел всему предел,
Так стране он надоел.
Но царя смешат укоры.
Коротки о Грише споры:
«Этот старец мне родной —
Вместе правим мы страной,
Ты святого не порочь.
Уезжай отсюда прочь».

И тогда собрались трое,
В час один, ночной порою:
«Что слова? — конец рассказам.
Надо кончить дело разом.
Поедом страну он ест,
Надо кончить — делу крест».

И случилось это ночью.
Все сошлись по полномочию.
Все собрались во дворец,
Где бывал «святой отец».
Гришка пьян уж был немало,
Дам хватал за что попало.
Лил мадеру на рубашку.
Говорил в хмелю про Сашку,
Про царя и про дворец,
А уж делу был конец.

Что там было, как там было,
Кто стрелял в лицо и с тыла,
Это нам не надо знать.
Только Гришке уж не встать.
Начал он хитро, не просто.
Кончил прорубью у моста.
Ястреб в тучах пролетал,
И ему конец настал.

Как Алиса убивалась.
Как на фоб его бросалась.
Возле Царского Села
Место гробу отвела:
«В мире нет ему замены,
Вот он, мученик нетленный.
Без него покоя нет,
Опротивел целый свет».
Схоронили по закону,
Положили в гроб икону:
«Спи до радостной весны,
Александра и княжны».

А спустя немного дней,
Русь была полна огней,
В каждом сердце — пыл отваги;
Заалели ярко флаги.
Змию вбили в спину кол.
Рухнул царственный престол.
Сгибло Гришкино наследство.
Сгибли те, кто впали в детство.
Вот и сказочке конец —
Делу славному венец.

